К.С. Киктева

«Искусство бесполезное»: тема воображения в антиутопии Любавы Горницкой «Олимп|и|Ада»

Аннотация: В статье рассматривается тема воображения в антиутопии «Олимп|и|Ада» Любавы Горницкой. Эта антиутопия young adult наследует антиутопиям «1984» Дж. Оруэлла и «Дающий» Л. Лоури, изображающим тоталитарные общества с крайне регламентированной жизнью, в которой воображение, творчество и искусство допустимы лишь в том случае, если они полезны с точки зрения контролирующей власти. Искусство становится средством пропаганды и угнетения. В мире, описанном Л. Горницкой, способность к воображению является признаком инаковости и неправильности человека, моральной патологией, которую необходимо искоренять всеми возможными способами. Герои-подростки проходят путь от безоговорочного принятия такого положения вещей к бунту против существующего порядка. Воображение становится способом сохранить себя и стать сильнее в мире тотального подавления индивидуальности. Благодаря воображению делается возможным проявление собственного «я», понимание самого себя и мира вокруг, а также осознание того, что жизнь может быть и иной.

Ключевые слова: антиутопия young adult, Любава Горницкая, воображение

“Arts are Useless”: the Theme of Imagination in Lyubava Gornitskaya’s Dystopia “Olymp|i|Ada”

Abstract: The article considers the theme of imagination in Lyubava Gornitskaya’s dystopia “Olymp|i|Ada”. The young adult dystopia succeeds to “1984” by G. Orwell and “The Giver” by L. Lowry which depict highly regulated totalitarian societies where imagination, creativity, and arts are allowed only if controlling powers consider them to be of any use. The arts become a tool of propaganda and oppression. In the world described by L. Gornitskaya one’s imagination is treated as a sign of divergence and wrongness, a moral pathology that must be eradicated in every possible way. Adolescent characters go all the way from unquestioning acceptance of the status quo to the rebellion against it. Imagination becomes a way to preserve one’s self and to become stronger in the world where individuality is completely oppressed. Imagination makes it possible to express one’s own self, to understand the world around and to realize that life can be different.

Keywords: young adult dystopia, Lyubava Gornitskaya, imagination

Традиционно воображение в антиутопиях выступает тем, что отрицается и подавляется господствующим строем, так как именно оно помогает персонажам начать мыслить независимо и, следовательно, критиковать систему. Таким образом, воображение — это нечто запрещенное, то, что следует искоренять. Искусство как результат работы воображения в антиутопических мирах или уничтожается совсем, или ставится на службу всесильному государству, становясь инструментом пропаганды или средством для организации незамысловатых развлечений граждан, которых нужно отвлекать от насущных проблем. Достаточно вспомнить «ощущалки», кинотеатры с полным погружением в фильм, из антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» и однотипные популярные песни (патриотического или любовного содержания) и дешевые романы из «1984» Дж. Оруэлла, которые создает специальная машина и которые предназначены для народа. Примитивизация или полное уничтожение книг в антиутопиях (вспомним «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и более современных «Сканеров» М. Шойбле) является одним из следствий крайнего упрощения языка. Все это лишает персонажей возможности мыслить и обладать памятью и в итоге привело бы к их расчеловечиванию[1],

однако главный герой обычно, как минимум, осознает неправильность и недопустимость такого положения веще, а как максимум — пытается ему противостоять.

В современных антиутопиях, как отмечает Т.Н. Маркова[2], альтернативой идеологической сфере выступает именно сфера бессознательного и связанные с ней воображение и фантазия. Герой творит в своем сознании мир, отличающийся от мрачной окружающей действительности. Покажем, как воображение и порождаемое им искусство в разных формах становится опорой для бунтующих героев антиутопии Любавы Горницкой «Олимп|и|Ада» (2022).

Интересно отметить, что именно в последние пять лет появился целый ряд антиутопий young adult, подростковых антиутопий, написанных именно российскими авторами: Анастасией Некрасовой, Дариной Стрельченко, Ульяной Бисеровой, Ариной Остроминой, Дианой Ибрагимовой. В произведении Любавы Горницкой главная героиня Ада Бельская после череды драматических событий попадает в Общеобразовательный Лицей Исправления Моральных Патологий, сокращенно — ОЛИМП. Что же считается моральной патологией в мире, где живет 14-летняя Ада? В этом мире, который отстоит от нас приблизительно на 200 лет в будущее, между собой воюют три страны: Равнинный союз, Горная федерация и Океанский альянс. Ада живет в Равнинном союзе, от которого когда-то незаконно, как утверждается в учебниках истории, отделились территории. Периодически случается Противостояние (так иносказательно называется война) в попытках вернуть утерянные земли. Читатель, интересующийся антиутопиями, не может не вспомнить «1984», где тоже есть три перманентно воюющие сверхдержавы. Еще одним оммажем Оруэллу и его антиутопичному миру выглядит тот факт, что во главе Равнинного союза стоит Родительское собрание во главе со Старшим Родителем.

В Равнинном союзе занятия искусством порицаются и запрещаются, если они не полезны: «В нашей стране любой может обратить способность во благо общества. Любой художник станет хорошим маляром, а писатель — автором предисловий к школьным учебникам. И тот, кто этим пренебрегает, ненормален. Имеет патологию»[3].

В Равнинном союзе нет кино, только мультфильмы, причем только назидательные, воспитательные, пропагандистские. Ада слышала, что в соседнем враждебном Океанском альянсе «вроде вместо мультфильмов есть такое, что вот прямо живые люди собираются, что-то изображают, это снимают на пленку и показывают в специальных местах. Говорят, что у тех, кто кривляется, это профессия, вроде как у токаря или посудомойки. Совсем нечего им там делать, раз тратят на чепуху полезное время»[4]. В этой обстановке, с таким отношением к искусству, признаком моральной патологии, подлежащей «корректировке», становится даже безобидное рисование зверей на полях школьной тетради — подобное считается занятием творчеством «вне пользы государству»[5]. Куда более опасное занятие — сочинение стихов или ведение личного дневника. То есть любые проявления воображения запрещаются и подавляются. В начале произведения, когда Ада еще не задумывается о том, как живет и как может жить, она знает четко усвоенные истины: «Работа на заводе или комбинате приносит пользу. Наука приносит пользу. Военное дело приносит пользу. Учеба приносит пользу. Спорт приносит пользу: он развивает тело. А искусство бесполезное. Если только не служит интересам государства — как виньетки на стенной газете нарисовать, а у взрослых — написать книгу о жизни Родителя, например. Если человек тратит свое время, необходимое стране, на искусство, с ним что-то не так. Мораль сомнительная. Патология»[6].

Можно вспомнить другую подростковую антиутопию, уже ставшую классической, «Дающего» Л. Лоури. Ее герои лишены памяти и, соответственно, воображения, до такой степени, что не различают цвета. Главный герой отличается от окружающих как раз своей способностью, обозначенную как «способность видеть дальше», которую он обретает вместе с воспоминаниями и которая непосредственно связана с воображением.

Итак, Ада — обычный подросток, прекрасно вписывающийся в окружающее ее общество, она не рассуждая поглощает пропаганду и ведет себя так, как от нее ожидают:

«Все устроено по образцу: сочинение, решение задания, ответ на вопрос. Нарушать нельзя»[7]. У Ады есть мечта, вполне стандартная, практически всеобщая: оказаться «первоспособной» по результатам тестов на определение способностей и попасть в СИЗИФ, Специальный Интернат Закрытого Изучения Факультативов, где готовят к поступлению в университет. А после университета становятся учеными: «Будешь работать в закрытой лаборатории. Изобретешь полезное оружие. Или еще какую штуку»[8]. Однако в СИЗИФ отправляется не Ада, а ее тихий и нелепый одноклассник Алька, Альберт, объект всеобщих насмешек. Впрочем, скоро он оказывается отчисленным из престижного интерната, да еще и по собственному желанию. Это воспринимается как позор для всей школы, мальчика начинают травить. Ада сначала участвует в травле вместе с одноклассниками, но неожиданно, наоборот, сближается с мальчиком, и узнает, что одна из причин выдающихся способностей Альки — это тот факт, что он решал задачи не по алгоритму. Он проявил творческий подход к решению математических задач, тоже своего рода воображение, осуществил выход за пределы привычного. А потом Алька увидел неправильность в том, что в специнтернате готовят людей, которые слепо подчиняются приказам, и не захотел там оставаться. «Я просто не хотел быть тем, кого там готовят. Тебе прикажут изобрести штуку. Любую. Ты делаешь и не думаешь, как её применят. Яд, там. Или оружие. Твое дело — выполнять приказы. Всё»[9], — рассказывает Алька девочке.

Дружба с Алькой становится поворотным моментом в жизни Ады: она начинает поиски себя, своей индивидуальности, задумывается, действительно ли она такая же как все, обыкновенная, и хочет ли она быть такой: «Но мне хотелось лепить себя самой. Понимать, что выйдет»[10]. Вскоре случается беда: одноклассница находит в школьной сумке Альки тетрадь со стихами и доносит на него. Сочинение стихов — это проявление моральной патологии, и мальчика отправляют в ОЛИМП, тот самый Лицей Исправления Моральных Патологий, которым в Равнинном союзе пугают непослушных детей.

Спустя какое-то время в ОЛИМП для девочек попадает и Ада — из-за драки с одноклассницами, которые жестоко спровоцировали ее. ОЛИМП оправдывает самые худшие ожидания, он оказывается настоящей тюрьмой, в которой подавляют волю, ломают личность и используют телесные наказания. Среди подруг Ады по несчастью оказываются две девочки, которым приходится тяжелее всех, но выстоять морально им помогает именно воображение.

Одна из них — Лена из общины сектантов, поклоняющихся Полярной звезде. В Равнинном союзе нет официальной религии, но есть вера в то, что все сущее создано звездами, и именно звезды-нашивки на рукавах разных цветов определяют степень благонадежности каждого человека. Воспитанники ОЛИМПа, «корректируемые», как их официально называют, носят на рукавах звезду черного цвета. Сектанты, среди которых росла Лена, жили в лесу и верили в скорое падение Полярной звезды и наступление конца света. «Сколько бы не ругали ее, не ставили на колени, не колотили и не убеждали нудно забросить глупые россказни, отряхивалась, смазывала в лазарете синяки и рубцы, и шла дальше. Не знаю: была это глупость или упрямство? Мира и Юка смотрели на нее с жалостливым снисхождением, как на убогую. А я завидовала. У Лены точно не было проблемы: настоящая или притворяется? Да и ее легенды о звезде вряд ли были хуже сказок. Тоже интересно»[11], — так размышляет Ада. Несмотря на жестокие наказания в ОЛИМПе, Лена продолжает молиться Полярной звезде и рассказывать всем, кто хочет и кто не хочет ее слушать: «А когда звезда Полярная упадет, станет светло во всем мире. И Противостояний не будет. И лес разрастется так, что люди станут жить в дикой природе. И у всех нашивки спорют с рукавов, потому что перед звездой все одинаковые»[12]. В итоге именно с Леной Ада вступает в сговор о побеге из ОЛИМПа. Лена верит в нечто придуманное, в сказку, которая стала религией, и именно вера придает ей сил. К тому же, жизнь в сектантской общине научила ее выживать в лесу. Этот фактор берет в расчет Ада, которая сначала несмело, а потом всё более настойчиво рисует в своем воображении

побег через голую степь по направлению к лесу. Где он находится, девочка знает лишь приблизительно.

Другая «корректируемая», Лана, — один из самых трагических персонажей. Она вдвойне «бесполезна» по меркам Равнинного союза: девочка физически слаба и больна, задыхается от астмы, страдает малокровием и к тому же пишет стихи и придумывает сказки. «Мы утаскивали Лану к умывальникам незадолго до отбоя. После долгого изматывающего мытья паркета этажа до блеска. Усаживали под подоконник, спиной к бугрящейся белой краской чугунной батарее, сами кружком пристраивались рядом»[13], — воспитанницы ОЛИМПа тайно слушают сказки Ланы, это метафоричные притчи о жизни, которым девочки верят больше, чем учебникам. Но именно сочинение сказок — это то, чего Лане делать нельзя, то самое бесполезное искусство. Руководство ОЛИМПа заставляет Лану отступиться от сочинительства сказок самыми жестокими способами, мучая девочку морально и физически. Ада задумывается о том, что же такого страшного в этих сказках. Как говорит сама Лана: «Сказка не равна истине. Это образ. Выдумка»[14]. Они позволяют метафорически осмыслить мир, то есть благодаря вымыслу, будучи плодом воображения и, по сути, произведением искусства, сказки становятся стимулом к размышлению. Но судя по всему, полезные члены общества не должны много размышлять. «Делай как положено. Будет хорошо»[15], — вот что с детства усваивают жители Равнинного союза. И именно отступления от этого правила боятся те, в чьих руках власть.

«Откуда они брались, люди, способные за свою странную правду идти на самопожертвование? Они были блаженными или настоящими?»[16] — такими вопросами задается Ада. Постепенно девочка понимает, что и Лена со своей верой, и Лана со своими сказками творят свой собственный мир. «Лена. Ее вера равна вере Ланы. Может, потому что тоже создавала ее мир? Не просто как навязанное, заученное, а как любимое и близкое?»[17] — рассуждает Ада. Именно сказка Ланы, которую она по просьбе Ады сочиняет для нее, придает Аде сил, девочка делает шаг к самосознанию и в итоге оказывается способной к решительным действиям, к побегу, о котором договаривается с Леной. С другой стороны, Аду подталкивает к побегу и страшное зрелище того, как на глазах у всех воспитанниц Лану вынудили сказать, что она больше не будет сочинять сказки.

Так воображение, которому главная героиня училась у других, незаурядных, как выясняется, людей, стало той движущей силой, что помогла ей осмыслить и лучше понять как себя, так и окружающую действительность. Понять и сделать шаг к изменениям, совершить самостоятельный поступок.

Примечания:

[1] Волков В.В., Волкова Н.В. Мотивная структура литературной антиутопии: депривация языка и книг // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2020. №4 (36). С. 61-74.

[2] Маркова Т.Н. Трансформации антиутопии в прозе рубежа XX-XXI веков // Горизонты цивилизации. 2010. № 1. С. 109-119.

[3] Горницкая Л.И. «Олимп|и|Ада». М.: Волчок, 2022. С. 203

[4] Там же. С. 31.

[5] Там же. С. 26

[6] Там же. С. 48.

[7] Там же. С. 35.

[8] Там же. С. 14.

[9] Там же. С. 37.

[10] Там же. С. 41.

[11] Там же. С. 125.

[12] Там же. С. 143.
[13] Там же. С. 113.
[14] Там же. С. 168.
[15] Там же. С. 35.
[16] Там же. С. 197.
[17] Там же. С. 212.

Сведения об авторе: Киктева Ксения Сергеевна, старший научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик НИИ урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет
E-mail: ksenia-kikteva@yandex.ru

Information about the author: Ksenia S. Kikteva, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of Socio-Cultural Educational Practices, Research Institute of Urbanistics and Global Education, Moscow City University
E-mail: ksenia-kikteva@yandex.ru